

ГЕРМАН МЕЛВИЛЛ

Марди и путешествие туда

КНИГА ОСТРОВОВ

МОСКВА
T8RUGRAM
2020

УДК 82/89
ББК 84(4Coe)
М47

HERMAN MELVILLE
Mardi: And a Voyage Thither
1849

Перевела с английского Д. Сиротинская

Мелвилл Г.

М47 Марди и путешествие туда. Книга островов : [роман] / Герман Мелвилл ; [пер. с англ. Д. Сиротинской]. — М. : «Т8 Издательские Технологии», 2020. — 402 с. — (Серия: «Разум и чувства»).

ISBN 978-5-521-78201-7

Герман Мелвилл (1819–1891) — американский писатель, вошедший в историю литературы благодаря своему знаменитому роману «Моби Дик, или Белый кит». В наши дни Мелвилл считается классиком литературы США, одной из крупнейших фигур американского романтизма.

Роман «Марди и путешествие туда» стал поворотной точкой в его творчестве, так как в нем Мелвилл впервые отошел от привычных тем и создал сложную философскую аллгорию, которая оказалась непонятна читателям и критикам.

Сбежавший с корабля юноша во время своих странствий по океану встречает прекрасную девушку Йиллу и влюбляется в нее. Вскоре после этого они оказываются на Марди — таинственном архипелаге, которого не отыскать на картах. Йилла загадочным образом исчезает, и главный герой в компании новых и старых друзей путешествует по архипелагу, надеясь отыскать возлюбленную. Аллегорическое повествование об этом удивительном путешествии увлечет каждого, кто готов к странствиям по суше и по морю, по миру земному — и миру внутреннему, духовному.

УДК 82/89
ББК 84(4Coe)

© Сиротинская Д.,
перевод на русский язык, 2020
© Оформление.

ISBN 978-5-521-78201-7

АО «Т8 Издательские Технологии», 2020

ЧАСТЬ II

Глава 1

МАРАММА

Теперь мы направлялись прямо в Марамму, где правил, окруженный ореолом таинственности, Великий Понтифик всех прилегающих островов: князь, жрец и бог собственной добродетельной персоной; грандиозная царственная вершина, возвышающаяся над всеми прочими владыками Марди; всевозможные скипетры и епископские посохи едва помещались у него в руках.

Вскоре над высокими и неприступными берегами показался величественный центральный пик острова, что господствовал над соседними холмами; это была именно та взмывшая к небесам вершина, которую мы рассмотрели из «Серны», когда подплывали к Архипелагу.

— Скажи нам, о пик Офо, — воскликнул Баббаланья. — Как вышло, что твой силуэт нависает над всем Марди, пряча в новой тени старые — те, что уже отбрасывают на землю склоны холмов? Вот уж и вправду — тень на плетень!

— Действительно, — сказал Юми печально. — Там, куда ложится эта тень, не желают распускаться яркие цветы, а люди, долго живущие в таких местах, темнеют и лицом, и душой. «Неужели ты вышел из-под тени пика Офо?» — спрашивают незнакомца, если лицо его мрачно.

— Это та самая вершина, — добавил Мойи, — по которой в далекие времена ловкий бог Роо, величайший нечестивец,

спускался с небес. Три прыжка и три скачка — и он оказывался на равнине. Но увы тебе, несчастный Роо! Как бы ни был легок спуск, взобраться назад ты уже не мог.

— В таком случае не удивительно, — заметил Баббала-ня. — Что пик недосягаем для смертных. Но по странной воле судьбы, до сих пор многие мечтают до него добраться и, устало карабкаясь все выше и выше и устраиваясь на ночлег среди скал, во сне срываются вниз и находят свою погибель у самого подножия.

— Да, — сказал Мойи. — Тщетно вьются по склонам пика многочисленные тропинки, тщетно прокладываются новые среди острых камней и ежевики: Офо по-прежнему остается неприступен.

— И все же, — сказал Баббала-ня, — некоторые верят: те, кто в напряженной борьбе сумел забраться так высоко, что с равнины их было уже не разглядеть, достигли самой вершины. А другие сомневаются: не потому ли они скрылись из глаз, что попросту сорвались вниз и погибли.

— И почему, — спросил Медиа, — вы, смертные, стремитесь всецело подчинить себе каждую вершину, которая попадется вам на глаза? Почему на равнине вы не бываете довольны? Да и что бы вы стали делать на этой надменной, окруженной облаками вершине, если бы сумели ее достичь? И как вы надеетесь дышать там, в разреженном воздухе, который не годится для ваших человеческих легких?

— В самом деле, мой господин, — согласился Баббала-ня. — И Бардианна указывает на то, что для людей годится лишь равнина, и они должны быть счастливы тем, что живут в тени ее лесов, у самых корней, что спускаются во тьму земли. Но, мой господин, вы и сами знаете: иные мардийцы втайне убеждены, что все истории, связанные с этим пиком, — не более чем выдумки мараммцев. Они утверждают, что добраться можно куда угодно, — стоит только туда отправить-ся. И в поисках доказательств они обращаются к изречениям пророка Альмы.

Мойи вскричал:

— Но на Альму ссылаются также и другие — те, кто считает Офо священным и защищает паломников. Они говорят, что сам пророк был первым странником, который отважился туда пойти, — и что оттуда он сразу же переместился на небеса.

Рельеф Мараммы был примечателен не только пиком: остров был растревожен изгибами холмов и долин, словно штормовое море волнами, — только в эту минуту волны, казалось, не бушевали, а застыли неподвижно, и горы обрели равновесие. Словом, Марамма была лишена удовольствия иметь в числе красот своего ландшафта цветущие равнины — отчасти из-за тени Офо, отчасти из-за того, что ее покрывали священные леса, в которых прятались храмы и великий Мораи.

По словам Мойи, на всем острове не произрастало ни единого плодоносящего дерева, ни единого съедобного корня; население полностью зависело от той внушительной дани, которую платили Марамме окрестные острова.

— Дело здесь не в том, что почва бесплодна, — сказал Мойи. — Она поразительно изобильна, но местные жители говорят, что было бы святотатством разводить фруктовый сад на священном острове.

— А посему, милорд, — сказал Баббаланья, — пока другие тяжким трудом добиваются временного благополучия, здешние обитатели не заботятся даже о завтрашнем дне, и просторная Марамма покоится на волнах лагуны в легкомыслии и расточительстве.

Глава 2

ОНИ ПРИЧАЛИВАЮТ

Мы уже близко подошли к острову, и потому с каноэ сняли флажки и прочие украшения, а Ви-Ви было велено спуститься из акульей пасти и отложить на время свою раковину. Медиа почтительно разделся до пояса, и гребцы последовали его

примеру; теперь наш повелитель сам должен был проявлять уважение, знаки которого раньше принимал от других.

На всех островах, которые мы посещали до этого, наше прибытие приветствовали восторженные местные жители, но берега Мараммы были безмолвны; казалось, их покинули люди.

Баббаланья сказал:

— Не похоже, чтобы исчезнувшую можно было отыскать на этом острове.

Наконец мы высадились в небольшой бухте неподалеку от долины, — Мойи сказал, что она называется Ума, — и здесь, в полной тишине, вытащили каноэ на песок.

В эту минуту к нам подошел старик с бородой, белой, словно грива бледного коня. Он был закутан в ночное одеяние и обмахивался веером из поблекших листьев. За руку его вел мальчик, ибо старец был слеп; то и дело юнец прикладывал зеленый лист подорожника к морщинистому лбу старика.

Медиа объяснил, кто мы такие и зачем явились: наша цель, сказал он, отыскать Йиллу, и потому мы хотим осмотреть остров.

После этого Пани — таково было имя старика, — очень радушно поприветствовал нас и любезно пообещал, что мы непременно отыщем прелестную Йиллу: уж где-нибудь в Марамме пропавшая девушка да найдется. Он заверил, что проведет нас через весь остров, и мы исследуем каждое место, которое годится для поисков.

Сказав так, он повел нас к своему жилищу, чтобы мы могли подкрепиться и восстановить силы.

Жилище это было просторным и высоким. Вокруг, впрочем, располагалось множество нищенских лачуг, в которых ютились их убогие обитатели. Но жилье старика было чрезвычайно благоустроенным, и особенно много было здесь циновок для отдыха, а стропила прогибались под весом бутылей, столь полезных для доброго расположения духа.

Во время трапезы, которая последовала за нашим прибытием, слепой Пани, исполненный живейшего дружелюбия, восхвалял достоинства воздержания и твердил, что солома над головой и кокосовая пальма — это все, что необходимо для преходящего мардийского счастья. Желать большего, убеждал он нас, было бы попросту греховно.

Потом он объяснил, что исполняет обязанности наместника в этой части острова; а коль скоро он готов отложить все прочие занятия, чтобы посвятить себя путешественникам, желающим осмотреть остров и, конечно же, узнать, как лучше всего добраться на вершину Офо, — он считает естественным рассчитывать на вознаграждение за свои хлопоты.

— Мой господин, — прошептал Мойи Медиа. — Великий пророк Альма всегда говорил, что этот остров бесценен, и потому за пребывание на нем не может взиматься плата.

— Какой награды ты желаешь, старик? — спросил Медиа у Пани.

— Мне нужно немного: двадцать рулонов тонкой тапы, четыре десятка циновок из лучшей высокогорной травы, одно каноэ с грузом из плодов хлебного дерева и ямса, десять бутылей вина и сорок ниток зубов — вас много, а моя просьба так ничтожна.

— Это уж точно, — сказал Мойи.

— Ты настоящий грабитель, добрый Пани, — заметил Медиа. — И на что все эти вещи смертному, который, вроде тебя, одной ногой стоит в могиле?

— Мне слышалось, излишества бесполезны и даже греховны, — сказал Баббаланья.

— Разве твои покои уже не забиты до отказа всем, чего только можно пожелать? — спросил Юми.

— Я всего лишь скромный труженик, — сказал старик, смиренно скрестив руки на груди. — Но разве не желает и самый убогий из тружеников получить награду за свои труды? И разве пристало отказываться от награды мне? То, о чем я прошу вас, — в сущности, просто ничто. В чем я нуждаюсь,

о том и прошу, грозным именем великого Альмы, который поставил меня здесь главою. — Говоря так, он ходил взад и вперед, ощупью, так же, как и пришел сюда.

Баббаланья шепнул на ухо Медиа:

— Мой господин, сдается мне, что проводник из этого Пани довольно жалкий. В путешествиях по вверенным ему землям его сопровождает дитя — так почему бы не взять в проводники того, кто служит проводником ему самому?

Но Пани ни за что не расстался бы с мальчиком.

Тогда Мойи сказал вполголоса:

— Государь мой Медиа, мне самому руководство над Мараммой не вверено, и все же я берусь провести тебя по всему острову — ведь я уже старик и за свою жизнь не раз бывал здесь. Впрочем, я не смогу показать тебе дорогу к вершине пика Офо и к потаенным храмам.

Тогда Пани сказал:

— Да кто таков тот смертный, который воображает, что сможет проложить путь через подобные лабиринту дебри Мараммы? Берегись же!

— Но он-то не слепой, — возразил Баббаланья.

— Не ходи за ним, — сказал Пани. — Ибо он заведет тебя туда, откуда ты не сумеешь выбраться, и никакой Йиллы ты не найдешь; к тому же у него и в помине нет права быть здесь проводником, и его повсюду настигнет проклятие Альмы.

Нельзя сказать, чтобы увещевания Пани вовсе пропали втуне; видно, и он сам, и его предки имели привычку повелевать.

И все же Медиа решил, что на этот раз вести нас должен Мойи. Когда мы сообщили об этом Пани, он потребовал, чтобы мы немедленно убирались из-под его крова.

Ретировавшись на окраину соседней рощи, мы задержались там на некоторое время, чтобы подкрепить силы в преддверии нового путешествия.

Пока мы отдыхали, со стороны моря появилась компания странников, только что прибывших на остров.